

Семь дней до летнего солнцестояния

По-летнему затянувшийся бронзовый вечер был полон пыльного, сладкого предвкушения отдыха. Горожане, слышавшие от робкого несуразного чужеземца вопрос о местоположении «Сизого мака», реагировали по-разному. Кто-то начинал хохотать, кто-то переспрашивал, интересовался, не ошибся ли странник с заведением. Пара пожилых дам метнули на Фиму такие взгляды, словно тот только что проклял их семьи, после чего, не удостоив его ответом, продолжили свой променад.

Наконец, какая-то женщина, явно не из богатых кругов, оглядела Фиму с головы до ног, хохотнула, будто он удачно пошутил, после чего рассказала, куда ему следует идти.

Загадочное заведение располагалось в большом, потемневшем от времени деревянном доме. При взгляде на него у Фимы закралось нехорошее предчувствие. В сенях было грязно, царил полумрак, и только на слух он понял, что здесь собралась компания отроков, весело о чем-то переговаривавшихся, отчего Фима поежился. Заметив посетителя, один из подростков нехотя подошёл к нему.

— Добро пожаловать в бескручинный храм Афоберии... Ба! Да Вы из дипломатских? — было неизвестно, по каким признакам юнец это понял. Возможно, выдало что-то в одежде, а быть может, паренёк уж очень хорошо знал местную клиентуру и легко отличал чужаков.

— Да.

Глаза Фимы вскоре привыкли к темноте. Сени были не слишком облагорожены — к стенам были прибиты полки, с наваленными на них чьими-то вещами, некоторая часть из которых попадала на пол. Подошедший к Фиме был, очевидно, мальчишкой-ключником, и его беспорядок не беспокоил. Из-за двери, ведущей в основное помещение доносился приглушённый шум, множество голосов, а также приторный сладковатый запах. Фима уже натёкался на эту тонкую пряную смесь ещё в поездке с делегацией. Видимо, это было что-то вроде повсеместного любимого благовония.

— Ну, пройдёте батенька! Здесь свою лохань музыкальную Вы отдать на хранение не можете, берите с собой. — Поторопил его малолетний ключник, открывая перед Фимой дверь в зал, и фамильярно подталкивая его в спину. Тот, конечно, и не собирался нигде оставлять свою недавно отремонтированную лафину, тем более в загаженных сенях.

Фиму поглотил темный шумный зал. Его сердце ещё пуще сжала тревога — посетители голосили, ничего не стесняясь, и то здесь, то там слышались заунывные рыдания. Запах благовония тут был настолько тяжёлым, что Фима, неосторожно вдохнув, даже закашлялся. Как не последний человеческий мастер, он умел чувствовать особые силы, исходящие от могучих людей или скрывающейся нечисти. Так и сейчас Фима ощутил, что ключник неспроста назвал "Сизый мак" храмом. Может, и не бог, но нечто здесь точно обитало. Он не чувствовал враждебных намерений от хозяйничавшей здесь сущностей, но хотелось поскорее покинуть это место.

— Сюда, сюда, ну что же Вы! — ключнику приходилось чуть ли не за плечи направлять Фиму, чтобы тот не задевал мебель и не врезался в стены, пока он привыкал к ещё большей темноте.

Наконец, он стал различать тусклые лучины, зажжённые у каждого столика. Снаружи здание «Сизого мака» выглядело двухэтажным, но основной зал имел весьма причудливое внутреннее устройство — потолок был действительно вдвое выше обычного, а вот стены были усеяны небольшими своеобразными ложами, выходящими прямо из стен площадками, на самых разных высотах, в каждой из которых располагался столик, пара стульев, а в некоторых из них имелись даже диваны. Размером

эти площадки были едва ли больше обычной кладовки и больше всего напоминали театральные балкончики, однако ничем не были огорожены, а поэтому возможность выпасть оттуда была нешуточной, особенно нешуточной она казалась, когда взгляд натыкался на самые высокие места под потолком.

К счастью, место Фимы оказалось совсем невысоко — три ступени подняться. За его столиком сидела женщина, равнодушно оглянувшаяся на подошедшего Фиму.

— Привел! — воскликнул ключник.

— Здравствуйте... гина Жавушка? — робко поздоровался Фима. Имя хозяйки заведения он услышал от одного из прохожих, к которому пришлось пристать с расспросами о «Сизом маке».

— Журавушка, дуреха! — поправил его мальчишка.

— Здравствуй. Я думала, будет девица. — Задумчиво произнесла Журавушка. Голос ее был заволаживающий: хрупкий, словно первый осенний лёд на пруду, а хрипота в нем добавляла ее интонациям нежной проникновенности.

— Она попросила, чтобы я. — Объяснил Фима.

— Понятно. Впрочем, можно и не девицу.

Лучина на столике стояла позади Журавушки, так что разглядеть ее лицо было почти невозможно. Однако по всему выходило, что это была немолодая женщина, из той породы, что до последнего остаются дамами, пока их сверстницы превращаются в старух. Такую особенность обычно даровало богатство, но не было похоже, чтобы подобное заведение могло стать залогом зажиточной жизни, полной удобств и заботы о себе.

— Я могу идти, гина прелестница? — по-шутовски заискивая, спросил ключник.

— Принеси кружку нашему певчому и катись с глаз моих. — С покровительственным добродушием ответила она. — А ты присаживайся. Чего все молчишь? Не в твоём это ремесле.

— Я... плохо говорит. — Признался Фима, садясь рядом с Журавушкой. От неё пропитавший всё вокруг аромат исходил с ещё большей силой. — Из Флипсии.

— Вот как. — Она внимательно рассматривала Фиму. — Такие певчие у нас редкость. Знаешь, чужестранец, у меня недавно ушли музыканты, и это очень скверно. Музыка всегда нужна. Даже не мне, хотя я люблю, коли кто-то поет красиво, а мужу моему. Вообще, «Сизым маком» заправляет он, а не я. Но Живко, свет очей моих, сильно расхворался. — По ее лицу пробежала мученическая тень, а голосе промелькнула кривая дрожь. — Однако хорошая песня очень его радует. Если ты хорошо споешь, и он найдет в себе силы выйти поглядеть на общий зал, то я могу нанять тебя, будешь нашим постоянным певчим, что думаешь?

Прежде, чем Фима успел ответить, вернулся ключник, с грохотом опустил большую кружку на стол и быстро удалился. Место это Фиме определенно не нравилось. Станным было и то, что ему предлагали работу, даже не выдав, каков он в деле. К тому же местному контингенту, предающемуся неукротимому веселью (несмотря даже на то, что многие исходились в рыданиях), вряд ли придется по вкусу скромная флипсианская песня. Однако перспектива найти свое место дразнящие кружила голову, и без разницы уже было — хоть «Сизый мак», хоть «Шипастая ромашка».

— Выпей. — Журавушка кивнула на кружку.

— О, нет! Я же ещё петь... — замотал головой Фима. Вне всяких сомнений он был уверен, что ему принесли хмельное.

— Нужно, это правило. — Строго сказала Журавушка, но, увидев округлившиеся глаза своего нового певчего, смягчившись добавила. — Так ты сможешь лучше понять публику, поймать ее настрой и сделаешь все правильно. А вместе с публикой приободрится и мой Живко. Большого от тебя не требуется.

Доводы были весомые. Но стоило Фиме поднести кружку к лицу, как в нос ударил сильнейший запах. И только сейчас Фима понял, что здешний воздух был пропитан вовсе не благовонием — в нём витали густые пары этого самого напитка. Страшно представить, в каких количествах нужно было готовить и потреблять это пойло, чтобы большое помещение пропахло им насквозь.

На вкус напиток оказался не так плох, как можно было ожидать, но странно обжёг рот и горло, не так, как это бывает от вина или самогона — жгло, скорее, как от дыма костра. После первого же глотка, Фима чихнул.

— Ну вот, удача уже тебе благоволит. — Одобрительно сказала Журавушка. Фима не знал многих местных поговорок и обычаев, но успел запомнить, что на Благословленных землях почему-то считалось хорошим знаком, если чихал здоровый человек. — Допивай червонную настойку, это обязательно. Сам увидишь, её благодать будет тебе только на руку. — Журавушка следила, чтобы кружка непременно была опустошена, а сама тем временем продолжала. — Возможно, тебе придется долго распевать без перерыва, справишься? Вот и славно. Будешь голосить, покуда не увидишь вон там его фигуру. — Она указала на одну из стен.

Приглядеться Фиме было непросто, из-за от червонной настойки у него стали слезиться глаза, но вскоре он смог разглядеть, что стена, на которую указала Журавушка немного отличалась от других. Внизу на ней располагалась малозаметная дверь, а где-то на уровне второго этажа она и вовсе обрывалась. Выше было установлено изящное ограждение, а за ним висела плотная темная штора, отделявшая какое-то помещение от основного зала. Очевидно, из-за этого занавеса и должен был показаться хозяин «Сизого мака», Живко.

— Так вот, когда он там покажется, тебе следует продолжать играть ещё минут пять, после чего сможешь вернуться сюда, отдохнуть. Все понял? Тогда допивай и вылетай, птенчик мой.

Журавушка плавно поднялась и вышла с его площадки. Фима хотел было спросить, что ему делать, коли хозяин не выйдет, но не смог вспомнить правильные слова. Теперь у него был только один выход — спеть так, чтобы загадочный Живко явился.

С честным и немного страдальческим усердием Фима допил настойку, а выходя в середину зала уже чувствовал, что она начинает действовать. Его не беспокоило, что в зале было катастрофически шумно, и никто его, вероятно, не услышит. Более того, его вообще ничего не беспокоило, что было чрезвычайно редким для него состоянием. Его выход на весьма небольшой пустой островок посреди зала остался незамеченным, но он спокойно решил, что пусть будет, что будет.

Фима дотронулся до струн, собственные пальцы казались невесомыми и невероятно гибкими, он чувствовал, что может проверить с инструментом всё, что заблагорассудится. Стоило ему начать наигрывать что-то суматошное и в то же время печальное, как он подивился, как громко звучала его

лафина. Эта деталь была не игрой его ума, опьяненного настойкой — среди посетителей началось какое-то шевеление, только они приметили певчего. По всей видимости, здание было выстроено с особыми хитростями, чтобы шумы из середины зала звучали громче.

Родной язык в чужих краях хорош тем, что на нём можно поговорить с самим собой. Под тревожный мечущийся перебор Фима стал просто жаловаться на жизнь, не всегда даже заботясь о том, чтобы строчки на флипсианском языке рифмовались между собой. Он высказал всё, что он думал о своей нелёгкой судьбе, об окружавших его людях и глупостях происходящих с ним без перерыва. Закончив свой пропитанный злобой плач, он почувствовал приятную усталость. Следующую песню он начал на порядок спокойнее. Пальцы сами находили свое место на лафине, слова по доброй воле приходили на ум безо всякого труда. Теперь Фима понимал, отчего Журавушка так рьяно следила, чтобы он выпил всю настойку — подобной лёгкости в своем деле он ещё ни разу не встречал. Струны пели стройно, будто каждая загодя выучила свою партию, а мелодии, переплетаясь друг с другом вели, должно быть, самую учёную беседу на свой музыкальный лад.

Фима не знал, сколько времени так прошло, но трудиться ему было по-настоящему всласть. Протекла ли четверть часа или же полтора, не могли бы сказать и гости. С особой внимательностью, Фиму мало кто слушал, зато музыка приятно попадала в ритм самого заведения, казалась частью этого старого дома, такой же как почерневшие перекладыны или пол, ни разу не выдававший тряпки. Даже чужеземный язык казался осмысленной деталью — ведь и впечатления, получаемые здесь посетителями едва ли можно было описать знакомыми словами.

Интонации лафины стали бархатно-нежными, а на ум приходили какие-то слова о древесных глазах. В это время Фима заметил справа от себя шевеление где-то наверху. Он уже и думать забыл о хозяине и его появлении, но вот занавес отодвинулся и на короткой широкой площадке появились две фигуры. Журавушку Фима узнал сразу — её объёмный округлый силуэт легко было угадать где угодно. Она придерживала за плечи спутника с тонкой фигурой. Ему тяжело дались несколько шагов, добравшись до ограждения, он оперся на него обеими руками.

Разглядывать хозяев Фима не стал, всё равно лиц их не было видно, да и глядеть во время выступлений он предпочитал перед собой. Доведя свою мягкую красивую бессмыслицу до конца, он скромно поклонился и направился обратно к своему месту, спотыкаясь в темноте неизвестно обо что и утирая всё ещё иногда самовольно скатывавшиеся по лицу слезы. Про себя он вдруг отметил, что надрывные возгласы, бывшие постоянными спутниками этого места, были никакими не рыданиями, а сладострастными стонами. На трезвую голову его бы страшно смутило это обстоятельство, но сейчас Фима старался просто не наткнуться случайно глазами на сие действо.

Вернувшись к своему столику, он обнаружил, что там уже кто-то сидел. Сначала Фима подумал, что ошибся балкончиком, но вскоре человек, бывший там, обернулся:

— Хорошо у тебя получилось. — Сказал Коловрат и кивнул на место на диване рядом с собой. — Ну, садись, почём зря стоять?

— А... а почему Вы тут? — Фима на подкашивающихся ногах неловко приземлился на диван.

— Ты не рад меня видеть?

— Я рад, когда Вас видеть! — почти обиженно ответил Фима. — Но такое место, и Вы...

— Это я тебя хотел спросить, для чего ты выбрал поганый притон, коли на носу солнцестояние, и на весь город разошлись праздничные гуляния? Работы для певчих хоть отбавляй.

— Девица просила мне вместо себя, и я согласиться. — Мысли Фимы путались, он никак не мог взять в толк, откуда тут мог взяться Коловрат. Он боялся, что будучи опьяненным, вытворит или скажет какую-нибудь глупость. Но вместе с тем вдруг захотелось выпить ещё червонной настойки.

— Стало быть, обдурили тебя слегка. — В голосе Коловрата проглядывала нервозность. — Не вздумай так делать больше. Леший ты блудный, ты же здесь ничерта не знаешь, зачем ты на что-то соглашаешься? Так и пропасть недолго, в таких-то местах. В следующий раз спрашивай, куда идти следует, а где тебя опоят и ограбят.

К столику подошёл уже другой отрок и отдал большую кружку. Немудрено было догадаться, чем она была наполнена.

— Это от меня, всё уплачено, можешь ещё чего попросить, коли пожелаешь. — Сказал Коловрат, взяв ее со стола и передал Фиме, незаметно придвигаясь ближе. — Изволь.

Фима непослушными руками принял тяжёлую кружку, чувствуя, сколь сильно пересохло горло за время пения. На сей раз он закашлялся только после второго глотка.

— Спасибо, Вы... Очень. — Пробормотал Фима, чувствуя, как усиливается головокружение. — Почему Вы заботятся? Я плохой помощник. Ну?.. Вы добры к меня, я не понимаю.

Язык Фимы заплетался, но он всё упорно пытался объяснить свое изумление, что он испытывал всякий раз, слыша равнодушный голос и ощущая твёрдое покровительство в важных делах. Будь в запасе Фимы поболее слов, он бы наверняка проболтался и о слабой ноющей надежде, гнетущей его, когда украдкой задумывался о причинах доброго расположения Коловрата.

— Ты хороший человек, Фима. Честный и простой, не юлишь лукаво. — Он тщательно подбирал каждое слово. Самое главное было не спугнуть. Но и самому струсить было нельзя, времени оставалось в обрез. — Мне нравится, коли именно такие люди есть подле меня.

Коловрат воровским жестом протянул руку и положил Фиме на пояс, неброско обнимая. Забывшись, тот откинул свою голову на плечо Коловрата. Все плыло перед его глазами и дело было не только в пелене из слез — стёрлись грани не только у предметов вокруг, но и у мыслей. Свернуть с колеи ясного разума оказалось невероятно приятно, только самым краешком сознания Фима осознавал, что окончательно захмелел.

В какой-то момент он вздрогнул, почувствовав тёплые пальцы Коловрата на своей щеке, тот тихо вытирал слезы с его лица. Наконец, что-то перебило приторный запах червонной настойки — от Коловрата пахло дорогими банными маслами. Это обстоятельство разительно выбивалось из общего настроения «Сизого мака», притона, который местные гордо называли храмом. Оттого он и не противился касаниям Коловрата, в этом гадком пьянящем месте он был единственным, от кого не хотелось ждать подвоха.

— Что Вы? — Фима вдруг рассмеялся, легко поддавшись, будто и раньше между ними возникали подобные вольности.

Он стал похож на совершенно другого человека, засмеявшись. Коловрат озадаченно застыл — на его памяти Фима ни разу и не улыбался — однако руку не убрал.

— А чего ты все время плачешь? Горе у тебя какое?

— Я нет. Без грусти. — Вздыхнул Фима. — Оно само.

— Ну, раз без грусти, так и слезы лить не стоит. — Рассудил Коловрат, доставая из рукава гребень. — Я к тебе по делу сегодня.

Он не соврал. Для заветного обряда похорон сердца требовалось загодя подготовить кровь мастера, по чьим жилам текла так же и магия. К тому же надо было убедиться, что Фима был готов к обряду, что Коловрат достаточно крепко удерживал его сердце.

С последним были проблемы — Коловрат не знал, как увериться наверняка, а потому пытался прямо на месте склонить Фиму на свою сторону, и делал это, как умел. Деревянный гребень, украшенный зелёным камнем с удивительной лёгкостью прошёлся по волосам Фимы. Расчет Коловрата был тонок почти до коварства — прежде, чем приступить к главной цели своего визита, требовалось подготовить Фиму к тому, чтоб тот не боялся его руки. Для того и надо было сперва занять его трогательными глупостями.

Коловрат уже даже был рад, что пришлось поймать флипсианца в таком вульгарном притоне — обстановка пьянства да разврата располагала к излишнему доверию.

— Я должен взять у тебя немного крови. Поскольку ты странствовал от имени церкви Тефлиоса, она потребуется, дабы внести тебя в реестр. — Продолжил Коловрат, расчесывая мягкие белые пряди. — Это только по регламенту требуют. По большому счёту кровь ничего не значит, и ничего с ней не делают, но так положено.

Как ни странно, уловки его возымели действие на выпившего Фиму — тот совсем расслабился подле Коловрата и, разве что, не заснул накрепко. Казалось, сейчас он готов поверить в любые слова, сказанные этим человеком с заботливыми руками.

— Я порежу твою руку. Покажи, где это сделать, чтоб ты после этого играл как прежде.

Фима неопределенно указал на предплечье, равнодушно восприняв кровавую формальность. Гребень в руке Коловрата сменился на серебряный кинжал. Лишь мгновение он медлил: будто совесть выиграла, и жалко было резать наивного флипсианца, пусть и безо всякого вреда. Но Коловрат тут же приказал себе бросить эти мысли, взял руку Фимы и с нажимом провел холодным лезвием по его бледной плоти.

— Вы не больно режут. — Заметил Фима, и случилось второе потрясение за вечер: он растерянно, но вполне блаженно улыбнулся.

— Я тут ни при чем, это настойка притупляет боль.

Коловрат усмехнулся. Более всего он опасался, что Фима испугается, а страх есть первейший убийца любой магии. В наставлениях мудрейшей Трелы из библиотеки Градомудрища было ясно сказано, что кровь испуганного человека теряет всякие полезные свойства. Похоже, благословение Агния работало, Коловрату и правда везло: в решающий момент Фима был безмятежен, как никогда.

Всё от той же червонной настойки кровь его разгорячилась и быстро сочилась из свежего пореза. Затуманенным взором Фима следил, как Коловрат сосредоточенно собирает его кровь в маленькую склянку.

Фима не мог отделаться от сладкого болезненного чувства — будто в его легких было слишком много воздуха, но он не мог прекратить вдыхать ещё пуще.

На короткие минуты чужие края стали не такими враждебными.

В какой-то миг к и без тому тяжёлому воздуху примешался запах дыма. Острый и внезапный, словно кто-то развёл костёр. В "Сизом маке" вдруг стало светлее и жарче, из общего гула голосов резко выделились несколько криков. Коловрат обернулся туда, откуда исходил свет — один из углов зала был объят пламенем, языки огня жадно охватывали все деревянные поверхности.